Хэмфри Богарт

Боги — легенда

Когда Х.Хоукс, одного из сценаристов «Касабланки» (1943), пригласили в конце 80-х прочитать лекцию перед студентами американских университетов, он с трудом преодолел желание отказаться: прошло почти полвека, выходить с такой старой лентой на молодежную аудиторию — верный способ провалиться. Каково же было его изумление, когда выяснилось, что многие студенты видели картину по 20 раз, некоторые диалоги цитировали наизусть. В ходе дальнейшей беседы оказалось, что Богарт для них живее многих новоиспеченных суперменов. Он воспринимается ими, как человек, воплотивший экзистенциальные проблемы, которыми мучается современное поколение молодых американцев.

Легенда Хэмфри Богарта, которого называют просто Богги, одна из немногих мужских легенд Голливуда. Пожалуй, есть еще только одна — Джеймса Дина. Как и почему она возникла, ведь первое, что бросается в глаза, непродолжительность его прижизненной славы. Можно спросить, с какого момента он стал «звездой» — после «Высокой Сьерры» (1941) и «Мальтийского сокола» (1941) или спустя два года, когда вышел фильм «Касабланка». Но так или иначе, получается, лет пятнадцать. А это существенно меньше, чем «звездный путь» его старших современников Астера, Кегни, Купера, Гранта или Трейси. Меньше, чем Ланкастера, Брандо, Ньюмена, которые пришли вслед за ним. Возможно, ранняя смерть Богарта, который ушел первым из плеяды его великих современников, создала предпосылки к возникновению легенды, не без помощи сентиментального массового сознания. Но ведь и Гарри Купер, и Кларк Гейбл умерли лишь немногим позже и тоже до срока, но они, вызывая ностальгию у своих современников, над потомками не имели такой власти.

12 лет проработал Богарт в театре, 22 года в Голливуде, снялся в 73 фильмах, два из которых («Судьба солдата в Америке», 1939, и «Касабланка») демонстрировались на наших

экранах и один («Мальтийский сокол») — по телевидению — спустя полвека. Частушка этих цифр отвергает. Пусть, пошлу взыщется, Богги, — Бог, кумир, легенда?

Богги — крутой парень.

К 1942-ому, переломному в его американской судьбе году, Хэмфри Богарт снялся в 45 фильмах, причем 8 раз был повешен или казнен на электрическом стуле, девять раз произвел в пожизненному заключению и дважды раз изрешечен пулями. Что еще добавить к его актерскому имиджу той поры: «крутой парень», преступник, человек вне закона. Контракт, заключенный им с Уорнер Бразерс в пять лет, после роли гангстера в фильме «Окаменевший лес» (1936), по пьесе Р.Шервуда, практически стал контрактом на определенный стереотип. Богарт знал, что это не его амплуа, поэтому как мог сопротивлялся, но всеобщее заблуждение было столь велико, что волей-неволей он смирился и даже продолжал играть эту роль за пределами съемочной площадки.

В те годы Богарт не простоволосые ласки, он был алкоголиком. После первых двух неудачных браков он женился в третий раз на актрисе Майо Мефот, тоже алкоголичке. Жизнь вутрускской четы находила со страниц газет, которые прозвали их «воинственными Богартами» за скандалы и драки, на людях и дома, нередко заканчивавшиеся вызовом полиции и ночевкой в участке. Однако все эти дебоши, которые с упоением смаковала желтая пресса, видя в них зрелище — черный фарс, — на самом деле, были связанным криком о помощи, обращенным друг к другу. Богарт получил эту помощь спустя долгие шесть лет. Майо Мефот так и не сумела выучиться.

Свободное от работы и семейных скандалов время Богарт отдавал парусному спорту, оставаясь наедине с собой, или решал захватные задачи. Но заканчивался его день всегда одинаково, в недорогом ресторанчике, где он напивался в компании приятелей-неудачников. Богарт не изменил этому стилю, даже, когда стал «звездой» — сбил пить и счастливо женился в четвертый раз. «Я не верю тем, кто не пьет», — часто говорил он.

И хотя для большинства современников Хэмфри Богарт был настоящим «крутым», он не стал бы легендой, если бы эти персонажи, многожились и варьировались и даже, если бы вопреки полному несовпадению амплуа «крутого парня» и внутренней человеческой сути актера, он добился на этом пути совершенства.

К счастью, перелом наступил. Сначала это была роль второго плана, но достаточно большая по объему, в фильме П.Уолша «Бурные двадцатые годы», который в советском прокате демонстрировался после войны под другим, более идеологизированным названием — «Судьба солдата в Америке». Фильму, действительно, предпослан пролог: три молодых солдата возвращаются из окопов Первой мировой войны домой. Но встречает их Великая депрессия с ее безработицей, нищетой, преступностью. Главный герой (Д.Кегни) становится бутлеггером, т.е. человеком, занимающимся подпольной продажей спиртного, а герой Хэмфри Богарта превращается в человека мафии, который в итоге предает своих фронтовых друзей. Это уже выключатель.

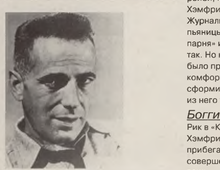
был характер в развитии, и Богарт не побоялся резких мазков, чтобы показать момент внешнего и внутреннего перерождения своего персонажа, грань, за которой — нравственное падение.

«Мальтийского сокола» (по одноименному роману Д.Хэммета, реж. Д.Хьюстон) зрители имели возможность увидеть по телевидению и, хочется надеяться, увидели. Здесь уже есть то, что приближало Богги к легенде. «Он сыграл роль принципиально антигероическую: частного детектива, который раскручивая тайну «птицы», унесшей многие жизни, не брезгует ни шантажом, ни подлогом. Но не он выбрал правила игры, просто принял их, чтобы выжить и победить» (А.Базен). Впервые Богарт действительно гипнотичен и, что особенно важно, он без усилий заполняет собой роль. Без усилий. И зрители оценили это, получив то, что в те годы требовалось от «звезды» — ясное представление о характере актера и ощущение что они не зря потратили деньги. С этого момента Богги занимает положение на «звездном» небосклоне, которое уже никогда не потеряет. Отныне фильмы, в которых он снимается, становятся фильмами Богги.

Но все же легендой он стал в «Касабланке», которая была не самой лучшей картиной в его биографии, но которая подарила ему роль, где личность актера вписалась в персонаж без зазора. Чтобы почувствовать истоки этого родства, вернемся немного назад.

Богги — нытик

Семья Богартов — отец, преуспевающий хирург, мать, известный дизайнер и активная суфражистка, двое детей, мальчик и девочка — жила в Бруклинстоуне, одном из фешенебельных кварталов Нью-Йорка, а лето проводила на собственной вилле на берегу живописного озера, где Богарт пристрастился к парусному спорту. У Хэмфри были все шансы на комфортабельную и беззаботную жизнь. Сначала Тринити скул — одна из элитарных школ Нью-Йорка, затем Филипс Академи — ведущий колледж, следующий шаг — Йельский университет. Тут-то и вышла заминка. Как-то ночью Хэмфри в компании одноклассников «молнул» в пруд нелюбимого профессора и был изгнан за «безудержный нрав». Потом были флот и война, которая прошла для него удачно. Катастрофу принес мир. Семья разорилась, денег на продолжение образования не было, а на хорошую работу не было надежд. Богарт устроился в театр, всем и никем, затем стал менеджером гастрольной труппы и даже один раз вышел на сцену, подменив заболевшего артиста, но... не смог вымолвить ни слова. И все же постепенно он начал пробоваться то в одной, то в другой пьесе, надеясь, что актерская стезя будет более денежной. За годы работы в театре он приобрел некоторые профессиональные навыки, а врожденное умение держаться, воспитание и хорошие манеры с лихвой окупали остальное.



30-е годы были тяжелым периодом для Богарта. Депрессия достигла пика, умер отец, оставив ему 10 тысяч долларов долга и кольцо с рубинами и бриллиантами, которое Боги не снимал до самой смерти. К тому же, на его попечении была душевнобольная сестра с ребенком. А еще неудачные браки, да неизбежно следующие за ними разводы. Он постоянно жаловался: на утренние телефонные звонки, на плохую пищу, и не менее плохие роли. П.Уолш провзал его «Богги-нытик». Правда, при этом работал он очень много.

«Я известен, как парень, который всегда ворчит по поводу ролей, но никогда от них не отказывается», — говорил Хэмфри.

Журналисты, которые липли к Богарту, обычно циники и пьяницы, создавали вокруг его имени легенду «крутого парня» из хорошей семьи. В известной степени это было так. Но на высокое положение в обществе, которое ему было предписано по происхождению, и не комфортабельная жизнь, для которой он был создан, сформировали его как актера. Утрата всего этого сделала из него то, чем он стал.

Богги — стоик.

Рик в «Касабланке» (реж. М.Кертиц) — это впервые сам Хэмфри Богарт. И любые попытки объяснить что-то, прибегая к помощи Камю или Сартра, хоть и допустимы, но совершенно излишни и только мешают разглядеть простую вещь — полную идентификацию актера и персонажа. По сути дела, он сыграл роль, которую играл большую часть своей жизни: роль джентльмена, прекрасно воспитанного человека, принадлежавшего к высшему классу общества, но оказавшегося в среде менее образованных и безупречных людей.

Конечно, не место такому человеку, как Рик, в экзотической Касабланке, где он владеет кафе, проявляя лояльность к властям и в то же время оказывая услуги беженцам из Европы. Рик знает, сколь несовершенен мир, и как низок человек, он знает, сколь призрачны иллюзии и самая призрачная из них — любовь. Он нашел способ самозащиты, укрывшись за иронией и цинизмом. Он приспособился. Но проиграл, потому что он слишком умен и знает цену своему выбору. Образ Рика двойственный, внутренне противоречивый, но и цельный. «Крутой парень» и экзистенциальный герой — в этом соединении зрители увидели личность самого Богги и обжестили его, и создали легенду, не знающую себе равных.

Для Хэмфри Богарта, по свидетельству его коллег, и для его поздних экранных героев, начиная с «Мальтийского сокола» и «Касабланки», кодекс мужской чести незыблем. Но высокое в них — благородство, надежность, верность слову — неотделимо от низкого — цинизма, амбициозности, неразборчивости в средствах. Эта двойственность — романтическая душа в броне жестокости отражала реальную противоречивость человеческого бытия и была неизбежным условием выживания. А мужское обаяние

актера и свойственная позднему Богарту внутренняя [illegible] обеспечила ему особую популярность в [illegible] среде не только в 40-е, 50-е, [illegible] годы, но, как мы видели в начале, и в наши дни.

«Усталость, пьяный недоверие, мудрости и цветпицизма Богги по кличке своей стоик», — в этой лаконичной фразе А.Базен и даже в одном слове — стоик — сердцевина легенды.

С «Касабланкой» изменилась не только актерская, но и личная судьба Хэмфри Богарта. На съемках фильма «Иметь или не иметь», прекрасного фильма Х.Хокса по слабому роману Хемингуэя, он познакомился с Лорен Бэкалл, женщиной, которая сделала его жизнь спокойной и счастливой. Он продолжал много работать: снялся в черном криминальном фильме «Большой сон», по роману Р.Чандлера, затем в «Безлюдном месте», где актер ступил на новую территорию исследования человеческого безумия. Затем был «Африканская королева» (1951) Д.Хьюстона, за роль в которой Богарт был удостоен Оскара.

Теперь у Богги есть все, — сказала после получения [illegible] Бэкалл, — счастливый брак, дети, [illegible] яхта, успех и признание». Но на самом деле, Богарт достиг большего — бессмертия.

Л.Алова